

20. Тимошенко В. П. Прорыв в новую эпоху? Внешнеэкономические факторы в развитии хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2008.

21. Шацилло К. Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне Первой мировой войны // Ист. зап. 1963. Т. 69.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 94(410) + 94(532) + 94(73) + 94(47 + 57) +
+ 94(5) + 327

Г. Н. Валиахметова

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В АНГЛО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1939–1940)

В статье рассматриваются слабо освещенные в научной литературе аспекты трансформации системы международных отношений на Ближнем Востоке в условиях Второй мировой войны. На основе анализа неопубликованных материалов из архивов британских внешнеполитических ведомств автор раскрывает роль советского фактора в англо-саудовских переговорах по проблемам региональной безопасности. Акцент на мифической «советской угрозе» арабским странам позволил Великобритании, Саудовской Аравии, а затем и США на время преодолеть атмосферу взаимного недоверия и объединить усилия в борьбе с реальной германской угрозой региону. Однако изначальная разнонаправленность интересов участников этого альянса предопределила его временный характер и заложила основу для формирования антизападных настроений в арабском мире во второй половине XX в. Статья написана в традициях уральской школы историков-международников, основанной профессором И. Н. Чемполовым (1913–2008).

Ключевые слова: Великобритания, Саудовская Аравия, США, СССР, арабский мир, Ибн Сауд, война, дипломатия, международные отношения, внешняя политика, соперничество, конфликт интересов.

«Политика одного государства в отношении другого в лучшем случае вещь несовершенная и времененная... и, как правило, основана на неосведомленности, непоследовательности и непонимании» [3, 9]. Это замечание авторитетного британского арабиста Э. Кедури с полным основанием можно отнести к истории дипломатических отношений Великобритании с Саудовской Аравией. Об этой стране на Западе было крайне мало достоверной информации, и долгое время она оставалась на периферии британской политики на Ближнем Востоке, несмотря на ее исключительное географическое положение и возвративший авторитет Ибн Сауда в арабо-мусульманском мире. Хотя англо-саудовские отношения считались дружественными, на практике их отличительной чертой было взаимное непонимание и недоверие, в основе которых лежал фундаментальный конфликт интересов.

По мнению Форин Оффис, Ибн Сауд был настроен весьма дружелюбно к Великобритании, пока не ознакомился с докладом комиссии Р. Пиля, пред-

ложившей в 1937 г. первый план раздела Палестины. В идее создания трех зон — еврейской, арабской и подмандатной британской — саудовский король увидел непосредственную угрозу своей стране. Он опасался, что сионисты нацелены на создание своего независимого государства с границами, простирающимися вплоть до Медины и Персидского залива. Подозрения также вызывала британская схема передачи Трансиордании крупной суммы денег на обустройство арабской зоны в Палестине, что в перспективе позволяло перевести эти территории под контроль Аммана, усилив тем самым позиции эмира Абдаллы, давнего врага Ибн Сауда [2, 391; 8].

Вековой опыт взаимодействия с восточными странами закрепил в британской колониальной политике практику косвенного управления с использованием договоров и субсидий. Ее результатом стало то, что традиционные арабские соперники — Саудовская Аравия, Египет, Йемен, Трансиордания, Ирак, шейхства Персидского залива и протекторат Аден — к началу 1930-х гг. оказались связаны договорными обязательствами с Великобританией. Для последней была важна устойчивость ее позиций на Ближнем Востоке в целом, в связи с чем приоритет в вопросах субсидирования отдавался тем странам, в том числе неарабским, откуда могла исходить угроза британскому доминированию в регионе. Это снижало гарантированное внимание Уайтхолла к Саудовской Аравии, которая, в силу своей отдаленности и бедности, казалось, была исключена из сферы соперничества великих держав.

«Британское правительство предоставило Турции заем в 6 млн ф. ст., а нам не дает и 6 пиастров», — возмущался шейх Юсеф Ясин, политический секретарь Ибн Сауда. «Любymi путями дают Абдалле 2 млн ф. ст., а мне лишь позволяют не обанкротиться», — в сердцах заявил Ибн Сауд британскому послу в Джидде Р. Булларду по поводу схемы раздела Палестины, подчеркнув, что не получал от Англии больше 80 тыс. ф. ст. [8]. Дело было не в том, что король «позеленел от зависти», как посчитали британские дипломаты [9], хотя, следует признать, что финансовая составляющая имела значительный вес в расчетах Ибн Сауда. Очевидная поддержка эмира Трансиордании Абдаллы, давнего политического соперника дома Саудидов, свидетельствовала о том, что англичане не отказались от своей ставки на лидерство Хашимитов в арабском мире. Традиционная колониальная практика позволяла Великобритании эффективно сохранять свои интересы на Ближнем Востоке, но она вошла в противоречие с арабо-мусульманской психологией. Известная арабская пословица гласит: «Друг моего врага — мой враг, враг моего врага — мой друг». Внушительная финансовая и военная поддержка региональных соперников Саудовской Аравии заметно контрастировала с нежеланием Лондона субсидировать дом Саудидов, что расценивалось Ибн Саудом как действия, направленные лично против него и его страны [4, 323–325].

С тех же позиций Ибн Сауд отреагировал на англо-итальянское соглашение, подписанное 16 апреля 1938 г., через 9 месяцев после опубликования доклада Пиля. В нем речь шла о сферах влияния на востоке и западе Аравийского полуострова. Ибн Сауд понимал, что Великобритания пыталась таким путем умиротворить потенциального врага и сделка двух держав свершилась

за счет аравийских территорий. Вместе с тем саудовский король ошибался, считая, что англичане совместно с итальянцами строят в Аравии военные планы в духе Первой мировой войны. Если в 1913 г. Великобритания была восходящей державой на Ближнем Востоке, то к концу 1930-х гг. уже появились признаки заката могущественной империи. Поэтому англо-итальянское соглашение 1938 г. в действительности было нацелено на снижение напряженности в отношениях между двумя державами через формулу, позволявшую обеим «сохранить лицо». Соглашаясь на принцип равенства прав и интересов с Италией в Красном море, Англия не стремилась закрепить свои позиции на Аравийской полуострове, как того опасался Ибн Сауд. Для Лондона это соглашение являлось лишь тактическим шагом в общей стратегии умиротворения Италии и обеспечения надежного заслона на пути проникновения держав «оси» на Ближний Восток, включая Саудовскую Аравию [8]. Но при любом раскладе политика уступок и умиротворения в рамках традиционных ценностей арабомусульманской цивилизации считалась проявлением слабости.

В этой связи в глазах Саудидов вполне логично возрастила привлекательность Германии как врага евреев и Великобритании, а также США как потенциального противовеса британскому влиянию в регионе. «Рассуждения о демократии и тоталитаризме, коммунизме и нацизме были чужды королю и его окружению, — отмечает авторитетный отечественный востоковед А. Васильев. — Они жили в другом измерении, руководствовались другой системой ценностей» [1, 49]. Ибн Сауда волновали вопросы сохранения независимости и финансового благополучия своего государства. Безопасность, с его точки зрения, находилась в рамках баланса великих держав на Ближнем Востоке. Осознание значимости этого фактора на фоне приближавшейся войны позволило Ибн Сауду лавировать и получать поддержку всех заинтересованных сторон, ничего не давая взамен [4, 312–313; 15, 152–159]. По тем же причинам Саудовская Аравия стала естественным выбором для тех региональных политических сил и внерегиональных держав, которые в своей борьбе с британским доминированием стремились избежать прямого столкновения с Великобританией [5, 19–20].

Активизация внешней политики Саудовской Аравии с 1937 г. — тайная поддержка восставших арабов Палестины, установление дипломатических отношений с Германией, тайные переговоры с державами «оси» о поставках оружия и льготных займах — рассматривалась Лондоном как проявление нейтральной позиции Ибн Сауда. В то же время способность короля самостоятельно решать свои финансовые проблемы освобождала Лондон от необходимости обременять свой и без того ограниченный бюджет субсидированием Саудовской Аравии, которая в отношении Великобритании продолжала придерживаться дружественной риторики [10].

Примечательно, что Ибн Сауд не рассматривал в качестве противовеса британскому влиянию Советскую Россию и в Лондоне не опасались советского проникновения в Саудовскую Аравию, хотя СССР был первым государством, которое установило дипломатические отношения с Хиджазом-Недждом и было представлено в Джидде своим послом К. Хакимовым. СССР и Комин-

терн первоначально видели в Ибн Сауде лидера зарождавшегося антибританского националистического движения, но после подписания англо-саудовского договора 1928 г. эти эмоции охладели и фокус советских интересов переместился в Йемен, который демонстрировал более непримиримую антибританскую позицию. В конце 1930-х гг. совокупность причин заставила СССР пересмотреть свои интересы в арабских странах и закрыть там все свои дипломатические миссии. Но в любом случае, как считали в Форин Оффис, у СССР не было средств сотрудничать с саудовским королем, а тот, в свою очередь, не мог интересоваться атеистическим государством, которое препятствовало своим мусульманам в совершении хаджа, а также активно сближалось с Турцией, соперником Саудовской Аравии на ближневосточной арене [10].

Таким образом, в конце 1930-х гг. Саудовское королевство продолжало оставаться на периферии британской политики на Ближнем Востоке, и Ибн Сауд выстраивал курс на сближение с великими державами — соперниками Великобритании. Этот подход, основанный на взаимном недоверии, стал медленно меняться после подписания советско-германского пакта 23 августа 1939 г. и начала Второй мировой войны. Примирение Германии с коммунистическим, атеистическим советским режимом привело Ибн Сауда в замешательство. Британское правительство с учетом нового расклада сил в Европе было вынуждено поставить вопрос о позиции арабского мира в надвигавшейся войне и признать, что любые публичные прогерманские заявления Ибн Сауда и тем более его благожелательный к Германии нейтралитет могут серьезно подорвать британский престиж на Ближнем Востоке. Вместе с тем в Лондоне предпочитали не поднимать вопрос о благожелательном к Великобритании нейтралитете Саудовской Аравии, опасаясь, что король назначит за это слишком высокую цену, потребовав субсидии, оружие и даже, возможно, часть территорий своих соседей [12, 13].

Поскольку условия советско-германского пакта были неизвестны, в дипломатических кругах европейских и восточных стран стали опасаться, что, возможно, Германия и СССР договорились о разделе сфер влияния в Азии. Германская дипломатия, со своей стороны, повела тонкую игру и подпитывала эти опасения, пропагандируя миф о «советской угрозе» Ближнему Востоку. На Даунинг-стрит допускали, что «в соглашении речь может идти о распространении какими-либо средствами советского и германского влияния» на Ближнем Востоке через Турцию, Иран, Ирак и Афghanistan с целью получить нефть Мосула и Ирана. «Это, конечно, весьма туманно, но мы знаем, как озабочена Германия Афghanistanом, Ираном и Турцией. Мы знаем об интересах Германии и России в Балтии и на Балканах, и они могут начать свои грязные дела в других регионах», — сходились во мнении британские военные и финансовые ведомства. Они предлагали правительству санкционировать дополнительные расходы на укрепление позиций стран — участниц Саадабадского пакта, которые являлись барьером на пути продвижения держав-конкурентов в арабский мир [6].

Несколько иной позиции придерживались в Министерстве иностранных дел. «Советско-германская Антанта нацелена прежде всего против Ближнего

Востока и британской сферы влияния у южных границ СССР, — признавали в Форин Оффис. — Но эффект может быть снижен, если мы покажем, что не боимся новых комбинаций и поднимем моральный дух народов Ближнего Востока. К счастью, в плане высокого морального боевого духа лидируют турки. Иранцы не отличаются крепкими нервами», но и они «не заинтересованы в доминировании СССР» в регионе. Дипломаты считали, что советская угроза являлась пока «лишь предварительным умозаключением», поэтому, прежде чем ставить вопрос о финансовой и военной помощи, необходимо детально просчитать реальные угрозы в отношении каждой ближневосточной страны [6].

В конце октября 1939 г. Министерство обороны представило на обсуждение обширный меморандум с подробным анализом политических и военно-технических возможностей советского вторжения на Ближний Восток через Иран или Турцию. Эксперты военного ведомства подтвердили точку зрения Форин Оффис о том, что СССР не будет вести наступательной войны на Ближнем Востоке, по крайней мере до тех пор, пока не выполнит свои задачи в Европе. По их мнению, Советская Россия оказывала всемерную помощь Германии с целью ослабить Европу, а затем «принести большевизм в истощенные войной европейские страны», и «если сейчас Россия ввязется в войну на Ближнем Востоке, она не сможет выполнить свою главную задачу — на Западе». Реальная же угроза британским позициям в регионе, как указывалось в меморандуме, исходила из внутренней слабости арабских стран, таких, например, как Ирак [7].

После серии межведомственных совещаний Форин Оффис разослал британским дипмиссиям на Ближнем Востоке депешу со следующей инструкцией: «К сожалению, мы в определенной степени стеснены в своих действиях с СССР, поэтому не можем открыто опровергнуть германскую пропаганду о советской угрозе. Но мы ее опровергаем косвенными методами, устно, в конфиденциальных разговорах, где могут быть упомянуты слабые места русской военной машины. Иными словами, русской угрозы, по сути, нет». Дипломатам рекомендовалось «придерживаться этой линии в приватных беседах с представителями ближневосточных стран, если это может успокоить их умы». Кроме того, следовало «избегать обсуждения таких дискуссионных и скользких вопросов», как британские интересы в арабских странах и Иране [Там же].

С началом Второй мировой войны Ибн Сауд, в противовес мнению своих советников, решил, что интересам Саудовской Аравии в большей степени будет соответствовать победа союзников. В порядке исключения король позволил Г. де Гаури, британскому политическому агенту в Кувейте, поселиться в Эр-Рияде в качестве представителя британской дипмиссии в Джидде [11]. 3 ноября 1939 г. через него Ибн Сауд письменно известил британское правительство о своем благожелательном нейтралитете: «Арабы — те, кто поддерживает Великобританию, и те, кто сторонится ее или расходит с ней во взглядах (все они имеют право на свою точку зрения, но мы можем доверять им всем), — будут разочарованы, если Великобритания проиграет войну, потому что британские интересы в целом согласуются с арабскими ввиду нашей давней дружбы... Враг Великобритании — и наш враг». Король считал, что это совпадение

интересов в первую очередь базировалось на взаимном стремлении обеих сторон не допустить втягивания арабских стран в мировую войну [8].

Подобная угроза, по мнению Ибн Сауда, исходила от СССР, который с подписанием советско-германского пакта взял курс на сближение с Германией. «Мы опасаемся, что русские могут предпринять внезапные действия, чтобы навредить Великобритании, усилить Германию, разрушить альянс союзников и ввести в замешательство британские колонии, — указывал король. — Мы также опасаемся, что Россия может предпринять действия в отношении арабов через турок или иранцев, причем как с согласия Турции и Ирана, так и без него. В любом случае это будет удар по Великобритании и ее союзникам». Вместе с тем Ибн Сауд признавал, что арабы «в данный момент не имеют сил, чтобы противостоять врагу... у нас очень мало оружия... нет авторитетного лидера, нет единства, общей программы и общей политики». Подчеркивая, что «общий голос и общая сила арабов помогут Великобритании в деле обороны и создадут дополнительную угрозу врагу», британскому правительству предлагалось приложить все усилия для объединения арабов путем создания системы оборонительных союзов под эгидой Великобритании [Там же].

Заявление саудовского короля озадачило британскую дипломатию. Буллард и де Гаури затруднялись объяснить, к чему клонил Ибн Сауд: «Может быть, он просил оружие или надеялся получить субсидии? Или он всерьез нацелился на создание арабского объединения, о котором до сих пор отзывался скептически, но которое теперь посчитал лучшим средством против русской или турецкой угрозы?» Дипломаты признавали, что с началом мировой войны Ибн Сауд впал в финансовую панику, но считали, что «с учетом нефтяных доходов, которые он стал получать с нефтяной концессии в Эль-Хасе, в скором будущем его финансовые дела пойдут на лад». Буллард и де Гаури согласились и в том, что «предложенная Ибн Саудом схема арабского объединения, которое должно создавать и субсидировать правительство Его Величества, не может быть практической политикой в военное время», особенно с учетом того, что, возможно, король готовил почву для создания собственной «оси», хотя он эмоционально это отрицал [9].

В ожидании официального ответа Уайтхолла 13 ноября 1939 г. Буллард поручил де Гаури встретиться с Ибн Саудом и попытаться прояснить ситуацию. В первую очередь необходимо было заверить короля в несостоительности опасений по поводу советской угрозы. «Хотя мы не исключаем того, что Советская Россия может получить выгоды от заинтересованности других держав в расширении на юг, представляется невозможным, чтобы Россия сделала это, так как она не может быть уверена в дружбе Германии или Японии и поэтому должна быть крайне осторожна, чтобы не завести себе двух новых врагов на юге в лице Турции и Ирана», — указывалось в инструкциях для де Гаури. Далее был затронут щекотливый вопрос об арабском единстве. Следовало согласиться с Ибн Саудом в том, что «общность языка и религии приведет арабов к объединению» и Великобритания может оказать содействие этому процессу. Однако пока не повержена Германия и союзники ведут войну

в Европе, их приоритетной задачей на Ближнем Востоке является сохранение мира и выполнение своих обязательств в подмандатных странах [9].

К обсуждению и подготовке официального ответа Ибн Сауду были привлечены все внешнеполитические, военные и финансовые ведомства британского правительства. Вновь поставленная саудовским королем проблема арабского единства затрагивала целый ряд болезненных для Англии вопросов – отношения с Италией и Францией, приоритеты в оказании финансовой и военной помощи ближневосточным странам, пути укрепления британских оборонительных линий в регионе. Поэтому на Даунинг-стрит единодушно решили «отклонить предложения Ибн Сауда наиболее джентльменским образом». По инициативе лорда Галифакса во избежание осложнений с Францией также было решено полуофициально известить Париж о начавшемся в Джидде обмене мнениями [8].

20 января 1940 г. Стоунгер-Бэрду, преемнику Булларда на посту главы британской дипмиссии в Джидде (в ноябре 1939 г. Р. Буллард покинул Джидду в связи с назначением на пост посла в Иране), были направлены подробные инструкции. Их содержание свидетельствует о том, что в начале Второй мировой войны Уайтхолл не хотел ограничивать свою свободу действий какими-либо обещаниями и обязательствами в отношении саудовского короля и арабского мира в целом. «Идея создания солидного блока арабских государств во главе с Великобританией не может не впечатлять, – указывалось в депеше. – Но, к сожалению, по многим причинам... нежелательно пытаться создать такой блок в настоящее время» [Там же].

Во-первых, имелись подозрения, что Ибн Сауд «в действительности нацелен на нечто большее, чем система оборонительных союзов под эгидой Великобритании, возможно, у него есть амбиции встать во главе арабского объединения». На Даунинг-стрит также затруднялись ответить на вопросы, «обеспечит ли такая система дополнительные преимущества союзникам в случае вражеской атаки» и «как может пригодиться арабское объединение в практической политике после войны».

Во-вторых, в такой оборонительный блок непременно попытались бы включиться Франция и Италия, что было неприемлемо как для англичан в связи с угрозой британскому доминированию на Ближнем Востоке после войны, так и для арабов, национально-освободительное движение которых имело не только антибританскую, но также сильную антифранцузскую и антиитальянскую окраску. Поэтому Стоунгер-Бэрду рекомендовалось избегать разговоров о французских и итальянских интересах в арабских странах и ссылаться на мандатные обязательства Англии и Франции. По поводу англо-итальянского соглашения 1938 г. посол должен был разъяснить королю, что оно «играет огромную роль в сохранении Италией нейтралитета в этой войне».

В-третьих, британское правительство было убеждено, что «арабские страны не смогут напрямую противостоять советской агрессии, какие бы договоры ни существовали между ними. Оружие арабам нужно для собственных нужд. И никакой блок здесь не поможет». В этой связи проводилась аналогия с Афганистаном, где «три четверти века целью британской политики являлось

единство страны, но никакая отправка войск и оружия не стала гарантой ее объединения. Более того, всегда имелась опасность, что однажды афганцы или арабы повернут британское оружие против Англии. Поэтому «если у правительства Его Величества появится возможность, несмотря на все трудности, оказать содействие формированию на Ближнем Востоке единого фронта против дальнейшего советского проникновения», таким государством будет не арабское, но Иран, «изоляция которого — весьма искушающий фактор для советского правительства с его очевидным интересом к ближневосточным делам». Но даже с Ираном на Даунинг-стрит затруднялись определить, какую именно помочь получит шах в случае советской агрессии.

Все вышеизложенное Стоунгер-Бэрду рекомендовалось «озвучить Ибн Сауду в конфиденциальном разговоре тет-а-тет». В письменный ответ следовало включить благодарности «за высокую оценку роли Великобритании в арабском мире и понимание того, что в нынешней войне союзники защищают и интересы арабов тоже». Вместе с тем необходимо было «ясно дать понять Ибн Сауду, что возражения правительства Его Величества базируются на условиях мировой войны и в настоящее время никто не может предвидеть» дальнейших событий. «Материальные ресурсы Великобритании не безграничны, и они не могут направляться в районы, где в данный момент нет непосредственной военной угрозы, но должны быть сконцентрированы на отражении германских атак на сушу, море и в воздухе, а также усилении тех стран, которые сейчас в наиболее уязвимом положении», — говорилось в инструкциях. Лондон не разделял опасений короля о том, что «Турция или Иран могут стать частью советской экспансии на юг», и считал, что «советская угроза арабским странам сегодня — это единственная угроза, причем лишь потенциальная, несмотря на советско-германское сближение».

Предложения Ибн Сауда о создании под британской эгидой арабского оборонительного союза против советской агрессии также следовало отклонить со ссылкой на внутреннюю разобщенность арабского мира: «Правительство Его Величества очень сомневается, что сейчас арабы могут объединиться даже в случае, если одно из арабских государств станет реальной жертвой агрессии». Великобритания, в свою очередь, не может сыграть роль внешнего импульса, пока не закончится мировая война. Поэтому британское правительство «весма сожалеет о том, что не может дать более позитивный ответ на предложения Ибн Сауда, но будет всегда иметь их в виду и готово реализовать некоторые из них, если условия изменятся в более благоприятную сторону». Этот заключительный пассаж письма Стоунгер-Бэрд должен был сопроводить устными заверениями в том, что если для Саудовской Аравии «наступит время реальной угрозы», Великобритания окажет финансовую и военную помощь в самых широких масштабах [8].

Таким образом, очевидно, что британское правительство и Ибн Сауд обсуждали ключевые проблемы англо-саудовских отношений — британские гарантии независимости Саудовской Аравии и планы Англии по поводу арабского мира в целом. Однако в атмосфере взаимного недоверия стороны могли лишь осторожно прозондировать почву путем обмена мнениями по вопросу,

который на тот момент не являлся жизненно важным для судеб Ближнего Востока. Мифическая «советская угроза» арабским странам в этом отношении представлялась наиболее удобным поводом.

Начавшаяся Вторая мировая война так же, как это случилось в 1915 г., подстегивала Великобританию к тому, чтобы четко определиться, какие политические цели она преследует в арабском мире. Решение было принято лишь осенью 1940 г., когда возникла реальная угроза захвата Ближнего Востока державами «оси». Англии вновь пришлось признать исключительную значимость поддержки арабов в борьбе против других великих держав и, несмотря на свой скептицизм, опираться на идею арабского единства. Ранее Форин Оффис рекомендовал дипломатам воздерживаться от использования терминов «арабское единство» и «арабская федерация» при составлении документов и в разговорах с представителями ближневосточных государств [8]. Примечательно, что с этого времени англичане умело использовали миф о «советской угрозе», чтобы привлечь на свою сторону правительства стран Ближнего Востока [14].

В рамках нового подхода Саудовская Аравия стала получать британскую финансовую и продовольственную помощь, общий размер которой к началу 1943 г. достиг 3 млн ф. ст. В то же время подъем арабского национализма и панарабских настроений в условиях мировой войны мог серьезно подорвать британские позиции в регионе. Поэтому в британской концепции в качестве стран-участниц арабской федерации по-прежнему предпочтение отдавалось тем государствам, которые находились под непосредственным управлением Англии либо были связаны с ней союзными договорами, а не нейтральным странам, стремившимся сохранить свою независимость, каковой являлась Саудовская Аравия. Последняя соответственно рассматривалась лишь как составная часть арабской федерации, тем более что оставалось не ясным, согласится ли Ибн Сауд войти в подобное объединение под британской эгидой [4, 338–339].

Выбор Ибн Сауда в пользу поддержки союзников базировался на сугубо pragматическом подходе. Саудовский монарх не стал более лоялен к Англии, чем до войны, он стал более осторожен и открыто поддержал союзников лишь после поражения Германии под Сталинградом и Эль-Аламейном в 1943 г. [Там же, 309–310, 340]. К этому времени Ибн Сауд, продолжая получать британские субсидии, взял курс на сближение с США. В феврале 1943 г. на Саудовскую Аравию была распространена американская помощь по ленд-лизу, размер которой в течение последующих двух лет достиг 33 млн долл., в несколько раз превысив британские вливания [1, 58].

Кардинальная трансформация ближневосточной политики США в годы Второй мировой войны (включение зоны Персидского залива в сферу своих национальных интересов и курс на смещение Великобритании с лидирующих позиций в регионе) была обусловлена не только мировым значением нефтяного потенциала Саудовской Аравии и других арабских стран, но также влиянием факторов geopolитического характера — стремлением к мировой гегемонии, необходимостью предотвращения перехода региона в сферу совет-

ского влияния и создания плацдарма для угрозы СССР в преддверии холодной войны.

Геополитические, стратегические и военные императивы имели преимущественное значение в политике США на Ближнем Востоке по сравнению с политическими устремлениями арабских стран, которые воспринимались Вашингтоном не как равные партнеры, но как один из эффективных инструментов вытеснения Англии с ведущих позиций в регионе и удержания его под своим контролем. Выбор Саудовской Аравии в качестве точки опоры США на Ближнем Востоке был мотивирован не только стремлением Белого Дома оказать политическую поддержку американским компаниям, монополизировавшим нефтяную отрасль королевства, но желанием избежать открытой конфронтации с Англией, сотрудничество с которой было необходимо Вашингтону, особенно в первые послевоенные годы. Арабы, в свою очередь, использовали американскую альтернативу вместо германской в борьбе с британским доминированием. Изначальная разнонаправленность интересов США, которые, по сути, преследовали империалистические цели, и арабских стран предопределила временный характер этого антибританского альянса и заложила основу для формирования антиамериканских настроений на Ближнем Востоке во второй половине XX в.

-
1. Васильев А. Саудовская Аравия и Вторая мировая война // Азия и Африка сегодня. 2005. № 8.
 2. Dickson H. Kuwait and Her Neighbors. L., 1956.
 3. Kedourie E. England and the Middle East: The Destruction of the Ottoman Empire 1914–1921. L., 1978.
 4. Leatherdale C. Britain and Saudi Arabia 1925–1939: Imperial Oasis. L., 1983.
 5. Mejcher H. Die Politik und das Öl im Nahen Osten. Bd. 2. Stuttgart, 1990.
 6. Public Record Office. Foreign Office Files. 371/23195, E6748/6748/65.
 7. Ibid. 371/23195, E7227/6748/65.
 8. Ibid. 371/23195, E7813/7697/65.
 9. Ibid. 371/23195, E8023/7697/65.
 10. Ibid. 371/23269, E246/246/25.
 11. Ibid. 371/23269, E7409/177/25.
 12. Ibid. 371/23272, E5763/735/25.
 13. Ibid. 371/23272, E5931/735/25.
 14. Ibid. 371/24562, E2910/2910/93.
 15. Watt D. Personalities and Policies: Studies in the Formulation of British Foreign Policy in the Twentieth Century. L., 1965.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.